

ББК Ш5(2=р)52-4/Достоевский/1я44
ЮЗ(2)51-578.9/Достоевский/я44
УДК 8(091)

Печатается по решению редакционно-издательской комиссии
по филологическим наукам факультета филологии и журналистики
Южного федерального университета.

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор В.В. Тихомиров
(Костромской государственный университет)
Доктор филологических наук, профессор Г.Г. Ермилова
(Ивановский государственный университет)

Научный редактор:

Кандидат филологических наук, доцент Е.В. Белопольская
(Южный федеральный университет)

Б 43 Белопольский В.Н. Достоевский и другие. Статьи о русской литературе. – Ростов н/Д: Foundation, 2011. – 250 с.

ISBN 978-5-4376-0017-7

Адресовано специалистам по истории русской литературы – исследователям, преподавателям и студентам. Главный объект исследования – Достоевский – освещается как выдающийся русский мыслитель, стоящий на уровне лучших западных философов и указавший на недостатки некоторых «недоконченных» теорий мировой философской мысли.

ISBN 978-5-4376-0017-7

ББК Ш5(2=р)52-4/Достоевский/1я44
ЮЗ(2)51-578.9/Достоевский/я44
УДК 8(091)

В оформлении использован портрет Ф.М. Достоевского работы В. Перова (1872)

© Белопольский В.Н., 2010
© Оформление Лункина Н.В.,
Елфимова Г., 2010

Содержание

Введение	7
Глава I. Достоевский и «человекознание» его эпохи	17
Глава II. Достоевский и немецкие философы	27
Достоевский и традиции немецкой классической философии (концепция человека)	27
Достоевский и Штирнер	44
Достоевский и Фихте	57
Достоевский и Шеллинг	64
Достоевский и Шопенгауэр	80
Достоевский и история одного научного мифа	93
Глава III. Достоевский и О. Конт	103
Парадокс О. Конта: культивации и апология католицизма	103
«Подпольный человек» в свете позитивизма	109
Позитивистская наука и Лебезятников	120
«Современные позитивисты» в романе «Идиот»	129
«Бес» позитивизма	138
Сомнения Подростка	149
Полемика с позитивизмом в «Дневнике писателя»	157
Суд над позитивизмом в последнем романе Достоевского	161
Глава IV. Достоевский и русская культура	181
Достоевский и православие	181
О генезисе и значении термина «хищный тип» в рассказе Достоевского «Вечный муж»	189
Достоевский и Пушкин: религиозный аспект	194
Достоевский и Гоголь (гоголевские реминисценции в романе «Идиот»).	204
Приложение	212
Речевой этикет имени в «Слове о полку Игореве»	212
Чехов с нами: расстояние в сто лет (о месте Чехова в русской культуре)	216

А.П. Чехов и И.Н. Потапенко (проблема сциентизма: доктор в роли автографа).....	221
Теория Л.Н. Гумилева об этногенезе и ее значение в диалоге культур.....	229
Вторая Отечественная или империалистическая? (Об одном эпизоде в изображении Первой мировой войны в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»)	236
Историческая правда и идеологические догмы в литературе об Отечественной войне	242

Белопольский Вадим Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы Южного федерального университета. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Автор книг «Достоевский и позитивизм» (1985), «Достоевский и философская мысль его эпохи. Концепция человека» (1987), «Достоевский и философия: связи и параллели» (1998), многочисленных статей о русской литературе и русской критике.

*Если мы пройдем мыслию от Пушкина к Лермонтову,
Гоголю, Тютчеву, Л.Н. Толстому, А.К. Толстому,
Достоевскому, Тургеневу, Лескову, Чехову –
то мы увидим гениальное цветение русского духа
из корней Православия.*

И.А. Ильин

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы возобладали два важнейших методологических принципа, выдвинутых М.М. Бахтиным:

- принято понятие «большого времени»;
- литература рассматривается как часть культуры, выявляются ее связи с другими частями культуры (философией, религией, искусством и т.д.).

Возвращение к национальным истокам позволило выработать новый, адекватный подход к русской классической литературе: она анализируется не с точки зрения пресловутых трех этапов «освободительного» (?) движения, а как важнейшая часть национального самосознания, базирующегося на православии (И.А. Есаулов, М.М. Дунаев, В.А. Воропаев, В.Н. Захаров, В.А. Котельников и др.), как часть «русской мысли», в контексте мировой культуры.

Автор данной книги опирается на изложенные выше методологические принципы и ставит своей целью выявить генетические и типологические связи Достоевского с рядом философов и мыслителей.

Связь творчества Достоевского с современной и предшествующей ему философской мыслью прослежена явно недостаточно. Между тем углубленное прочтение произведений писателя в философском контексте просто необходимо. Драматический характер признания подлинного масштаба наследия писателя, обилие «легенд» вокруг его имени во многом связаны с его «неподобием» на окружающих, которая, как выяснилось много позже,

Н.А. Спешнева, Ап. Григорьева, В.С. Соловьева, И.Л. Янышева. Писатель был хорошо знаком с «Историей новой философии» Куно Фишера, которую перевел на русский язык Н.Н. Страхов. О чтении им ряда философов имеются многочисленные мемуарные свидетельства, упоминания имен философов содержатся в письмах и черновиках писателя, в художественных и публицистических произведениях. В сочинениях Достоевского встречаются имена Аристотеля, Вольтера, Гегеля, Декарта, Дидро, Канта, Конта, Паскаля, Платона, Руссо, Спинозы. К этим именам следует добавить имена утопических социалистов Кабе, Сен-Симона, Фурье, русских мыслителей Белинского, Добролюбова, Писарева, Страхова, Лаврова, Чаадаева, Чернышевского и др. Можно с большой долей уверенности утверждать, что Достоевский был знаком с философскими идеями Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, читал сочинения Фейербаха, Конта, Штирнера, Сен-Симона, Фурье, Ренана и др.

Но дело не только в большой философской эрудиции писателя. Он мог развить идею, конструируя новые, еще не появившиеся философские системы, выступая при этом в роли провидца. Современные писателю «недоконченные» теории он доводил до логического конца, вскрывая их «недоконченность». Так, из довольно неуклюжих построений М. Штирнера он не только вывел систему взглядов, близкую учению Ф. Ницше, но и дал им глубокую оценку. Им были предугаданы и оценены некоторые идеи экзистенциалистов.

Прочтение произведений писателя в философском контексте поможет глубже проникнуть в его творчество, определить философские основы развивающейся им концепции человека, понять его место в системе идей современности.

Применительно к Достоевскому все чаще употребляется формулировка «художник-мыслитель». В ней отражена важнейшая особенность его творчества. Философское мышление используется им наряду с художественным. Недаром писателю оказывается «тесно» в рамках художественного творчества, и он обращается к жанру «Дневника писателя», в котором художественное повествование слито с публицистикой, где налицо попытка философски осмысливать текущую действительность, прибегая не только к художественной, но и к логико-понятийной системе мышления. Достоевский не был «поэтом-художником», как В.Г. Белинский

определял талант И.А. Gonчарова, хотя его нельзя считать и чистым «философом по преимуществу» – определение, которое дал критик таланту А.И. Герцена⁶. Видимо, между этими двумя крайностями есть четкая градация. К «поэтам-художникам» можно отнести А.С. Пушкина (недаром В.Г. Белинский называл его «поэтом формы»), А.П. Чехова, Н.В. Гоголя. Достоевский же, как и Л.Н. Толстой, занимает некое промежуточное положение, близкое А.И. Герцену, но не выходящее за границы собственно художественной литературы (Герцен, по Белинскому – за ее рамками). Но разрыв между Достоевским-теоретиком и Достоевским-художником меньший, чем между теоретическим и художественным творчеством Л.Н. Толстого. Поэтому нельзя согласиться с резким противопоставлением Достоевского-мыслителя Достоевскому-художнику.

Литература и философия имеют близкий предмет познания (человек и его отношение к миру), что и делает возможным их сопоставление. Но если художественная литература познает и отражает действительность в образной форме, то философия – в логико-понятийной. Философ оперирует понятиями, категориями, идеями, его взгляды, как правило, в совокупности образуют систему. Писатель отражает непосредственные впечатления о жизни, в художественном произведении нет четко выраженных понятий, само оно является не системой, а художественным целым. Идеи, система взглядов писателя могут вычленяться из художественного целого, они – результат литературоведческого анализа, который включает в себя «перевод» с языка художественного на логико-понятийный. Поэтому применяемые по отношению к художнику понятия «концепции человека», «философская система» имеют несколько иной, чем по отношению к философам, характер, они в какой-то степени условны.

К сожалению, мысль о близости литературы и философии не подтверждается пока обилием конкретных исследований, хотя этим вопросом занимались такие видные ученые, как А.П. Скафтыков и Б.М. Эйхенбаум⁷. Объясняется это тем, что методология и методика сравнительного анализа литературы и философии слабо разработана в нашей науке. Такой анализ носил частный, эпизодический характер, как правило, речь шла о влиянии философских течений на писателей.

Преимущественно о влиянии говорится и в тех работах, где анализируются связи Достоевского с философией. К воздействию философа на писателя, к простому заимствованию писателем философских идей дело сводится даже тогда, когда между взглядами писателя и философа налицо не только разница позиций, но и борьба.

При сопоставлении наследия Достоевского с немецкой классической философией тоже наметилась тенденция свести дело к влиянию, к отождествлению позиции писателя с позицией того или иного философа. Так, американский исследователь Г. Стаммлер считает, что Достоевский в своих взглядах на искусство близок Шеллингу⁸.

В интересной книге Я. Голосовкера «Достоевский и Кант» усилия автора направлены на доказательство того факта, что роман «Братья Карамазовы» – ответ на трактат Канта «Критика чистого разума». Более тонко и глубоко касается этой темы Н. Вильмонт в книге «Достоевский и Шиллер», но и для него дело исчерпывается влиянием Канта, правда, в основном опосредствованным (через Шиллера)⁹.

«Кантианскому» истолкованию Достоевского противостоит «гегельянское». «Если вдуматься в дух и содержание философского мышления Достоевского... то в нем можно найти отблеск не холодной «Критики чистого разума» Канта, а пламенеющей «Феноменологии духа» Гегеля», – убежденно заявляет В.Я. Кирпотин. «Нет никакого сомнения, что Достоевский читал и знал «Философию истории» Гегеля, что чтение этой книги отразилось в тексте и на мировоззренческом уровне «Преступления и наказания», – считает В.Я. Кирпотин¹⁰. Никаких документальных данных о чтении Достоевским «Феноменологии духа» и «Философии истории» известный исследователь не приводит, энергичность утверждения базируется на его внутренней убежденности в близости идей писателя и философа. Последняя же у него неминуемо обворачивается влиянием.

Необходимо совершенствовать методологию сопоставления литературы и философии.

Изучая взаимосвязи литературы и философии, следует иметь в виду не только генетические (такие, где имело место влияние), но и типологические (вызванные объективными факторами) связи. Выявление последних позволит обнаружить глубокие, типологические закономерности, своего рода «параллелизм» в отражении

литературой и философией ведущих социальных процессов эпохи. Использование же лишь генетических связей существенно обедняет наши представления о близости двух форм отражения действительности. Дело в том, что наличие генетических связей должно быть, как правило, подтверждено определенными историческими свидетельствами, что сделать зачастую очень трудно.

Генетические связи между писателем и философом могут быть осознанными и неосознанными, прямыми и опосредствованными. По степени близости и различия позиций авторов их можно разделить на контактные (позиции близки), контрастные (позиции противоположны) и конфликтные (авторы полемизируют друг с другом). При сравнении следует выделять главные, а также характерные черты творчества каждого.

Иногда генетическая связь носит предположительный характер, приближаясь в этом случае к типологической. То же можно сказать об опосредствованной генетической связи. Таким образом, между генетической и типологической связями нет резкой границы. Каждая из них далеко не всегда существует в чистом виде, одним часто сопутствуют другие. Это касается обоих аспектов (генетические – типологические, контактные – конфликтные) и их сочетаний.

При сопоставлении художественного произведения с системами философов возникает немало сложностей. Необходимо учитывать разность сравниваемых объектов (художественный текст и философская теория). Так как последняя, как правило, отличается предельной абстрактностью, появляется соблазн свести идею писателя к системе философа.

Не следует забывать, что литература представляет собой род искусства. Анализируя произведения Достоевского, следует учитывать, что взгляды его героев-идеологов не «копии» определенных теорий и систем. Писатель-художник, развивая ту или иную филосовскую систему своего героя, проявляет глубоко самобытное философское мышление. И даже тогда, когда философия героев Достоевского отталкивается от определенного философского «прототипа», она отнюдь ему не тождественна. Писатель стремится выявить то, что именно он считает главным, характерным в данном философском учении. Это положение развивается им, доводится до логического конца, второстепенное же отбрасывается, опускается.

Подчеркнем, что Достоевский оставался прежде всего художником: главное для него не стройность системы, не убедительность и красота идей самих по себе, а их бытование в живом, страдающем и стремящемся к счастью герое произведения. Тем самым Достоевский доводил отвлеченные философемы до человека, проверял их, испытывал в повседневном человеческом существовании.

При сопоставлении философии с литературой главное внимание должно уделяться различным аспектам концепции человека. Именно она лежит в основе творческого метода писателя, соотношение же человека и мира рассматривает философ. Важно не только указать на близость писателя тому или иному философу, но и определить степень вероятности сходства, выявить, какие связи являются ближайшими, какие дальними. Сопоставление позиции героя с позицией того или иного мыслителя не может ограничиваться констатацией совпадения тех или иных положений и теорий. Важно принимать в расчет, насколько характерна данная теория для автора, каким путем идет доказательство, совпадают ли ключевые понятия и слова. Установление типологической общности должно дополняться, когда это возможно, соображениями генетического порядка: был ли знаком писатель с этим философом, как его оценивал и т.д.

Достоевского, как правило, интересовали не столько философы сами по себе, сколько их идеи, а еще точнее, вопрос о том, к чему может привести человека и человечество осуществление этих идей на практике, в повседневной человеческой жизни. Отсюда берет начало часто встречающееся выпрямление идей писателем, что может показаться игнорированием сложности позиции философа, особенно тогда, когда последняя отличается непоследовательностью.

Сопоставление литературы и философии может вестись на разных уровнях. Первый – это сравнение концепции философа со взглядами героя. Второй предполагает сопоставление идей философа с концепцией художественного произведения. Третий – проведение параллелей между мировоззрениями философа и писателя. Все они между собой тесно связаны, возможен переход от первого ко второму и третьему. Для этого необходимо восхождение от сознания

персонажа к сознанию автора. «Сознание каждого персонажа у Достоевского (как и у других крупных писателей-реалистов) отражает обычно, по замыслу автора, лишь одну из граней объективного мира, т.е. часть истины. Но автор, обладающий более широким кругозором, видит и то, что не дано видеть отдельным его персонажам. И эта авторская точка зрения (вбирающая в себя точки зрения героев и в то же время отличная от них) определяет общее сюжетное построение романа и интерпретацию отдельных характеров». Свобода героев Достоевского «является лишь относительной»¹¹. Это же относится и к выражению ими «своих» взглядов. Часто высказывание героя является одновременно высказыванием автора. Г.М. Фридлендер отметил важную особенность героев писателя: «...в уста самых различных, нередко даже полярно противоположных по мировоззрению персонажей Достоевский вкладывает свои собственные взгляды и оценки, заставляя их как бы неожиданно для них самих находить неведомые им прежде «общие точки», парадоксально сближающие их позиции»¹². «Общие точки» в высказываниях героев писателя ведут к тем общим вопросам, общим проблемам, которые составляют своего рода «философский центр» романа; доводы «за» и «против», высказываемые персонажами, помогают выявить позицию самого автора.

Примечания

1. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 тт. – М., 1966. – Т. 9. – С. 413.
2. Горький М. Собр. соч.: В 30 тт. – М., 1955. – Т. 24. – С. 64.
3. Блок А. Собр. соч.: В 6 тт. – Л., 1982. – Т. 4. – С. 422.
4. Здесь и далее все цитаты из трудов писателя приводятся по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. – Л., 1972–1990. – Т. 28₁. – С. 54. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках. Первая цифра означает том, вторая – страницу.
5. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. – М., 1964. – Т. 1. – С. 208–209.
6. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 тт. – М., 1956. – Т. 10. – С. 326, 327.

7. Скафтымов А. О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. – М., 1972. – С. 381–390; Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. – Л., 1974. – С. 160–173.
8. Stammle H. Dostoevsky's Aesthetics and Schelling's Philosophy of Art. // Comparative Literature, Eugene, Oregon, 1955. – vol. 7. – № 4. – P. 313–323.
9. Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». – М., 1963. – С. 102; Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер. Заметки русского германиста. – М., 1984. – С. 280.
10. Кирпотин В. Я. Достоевский-художник. – М., 1972. – С. 309; Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. – М., 1983. – С. 378.
11. Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. – М., – Л., 1964. – С. 190–191.
12. Там же. – С. 272.